

Глава 8: Драгоценная одежда

—

Во второй половине дня в классе снова стало шумно. Когда людей стало больше, даже самый мощный кондиционер перестал справляться.

По классу распространилась волна жары, но Лу Синцзя всё ещё не хотел снимать куртку.

Он тайком взглянул на сидящего рядом Цинь Мудуна и, увидев, что тот совсем не собирается забирать свою одежду, осмелел и подбодрил себя.

Десять минут ношения — это тоже ношение, и целый день ношения — это тоже ношение. Если я похожу в ней ещё немного, Цинь Мудун, наверное, не рассердится, верно?

Так он и протянул до конца вечерних занятий.

Летние вечера оставались жаркими, не давая никакой передышки даже после захода солнца.

Цикады неутомимо стрекотали, а благодаря хорошему озеленению кампуса, даже на четвертый этаж залетали мелкие зеленые, размером с иголку, насекомые.

Раздался звонок об окончании занятий, и в классе началось оживление.

Все ещё не отошли от летней расслабленности, смеялись и шумели, и вскоре класс опустел.

Цинь Мудун молча собрал свои вещи и встал из-за парты.

По сравнению с толстыми стопками книг других отличников, ему нужно было брать с собой очень мало: один учебник по квантовой физике, который он перелистывал много раз, но который всё равно был хорошо сохранен, и чёрная ручка, висящая на книге.

Во время вечерних занятий Лу Синцзя время от времени поглядывал на него. Увидев, что он собирается уходить, Лу Синцзя поспешно окликнул его, произнеся заранее заготовленную фразу:

«Я... я вечером заберу школьную форму домой, постираю и тогда верну тебе!»

«Как хочешь», — Цинь Мудун равнодушно кивнул.

Лу Синцзя хотел сказать что-то ещё, но Цю Жуйфэн обернулся и похлопал его по парте: «Цзяцзя, поедem домой на велосипедах вместе!»

Они оба ходили в школу каждый день, и их дома находились недалеко друг от друга. Раньше они часто ездили вместе, поэтому Лу Синцзя небрежно ответил: «Хорошо».

В это мгновение Цинь Мудун небрежно закинул лямку рюкзака на свою прямую спину, длинными шагами пересек класс и вышел через заднюю дверь.

К тому времени, как Лу Синцзя снова обернулся, он уже исчез за поворотом коридора.

Лу Синцзя мысленно вздохнул, понимая, что его план долгий и трудный.

Он повернулся к Цю Жуйфэну и сказал: «Подожди меня, я соберу вещи».

Когда он собрал вещи, в классе почти никого не осталось. Они закрыли дверь класса и неторопливо пошли к парковке.

На улице было ещё душнее, чем в классе, и влажность воздуха была высокой, словно в большой сауне.

«Что за дрянная погода, разве только что не шел дождь, почему совсем не прохладно», — Цю Жуйфэн, высокий и крепкий, в тонкой майке, поднимал одежду, чтобы обдуться, и непринужденно жаловался.

Он снова взглянул на Лу Синцзя и, заметив, что тот всё ещё в школьной куртке, недоуменно спросил: «Носишь такую толстую одежду, тебе не жарко?»

«Не жарко», — Лу Синцзя без колебаний покачал головой, даже инстинктивно застегнул молнию на куртке: «Я больше всего люблю носить школьную форму».

Цю Жуйфэн смотрел на него как на идиота, вот-вот готовый написать на лбу «умственно отсталый»: «Ты серьезно? Эта твоя школьная форма такая широкая и большая, совсем не сидит, почти ноги закрывает! Разве тебя не просто ударил по голове твой бывший классный руководитель? Как так вышло, что твой эстетический вкус тоже испорчен?»

«Это не моя школьная форма», — Лу Синцзя поспешно уточнил, слегка покраснев, — «Это школьная форма Цинь Мудуна».

«Чья бы школьная форма ни... чья ты сказал?!»

Цю Жуйфэн вдруг опомнился, недоверчиво глядя на Лу Синцзя.

Лу Синцзя моргнул: «Цинь Мудуна».

«...Черт!»

Глаза Цю Жуйфэна вдруг загорелись, и он внимательно, с головы до ног, осмотрел Лу Синцзя.

За лето Лу Синцзя заметно вырос, раньше он был на полголовы ниже Цю Жуйфэна, а теперь он совсем немного ниже него.

И та школьная форма, которая была на нем, все еще висела мешковато, и даже казалась больше, чем в прошлом семестре.

Раньше Цю Жуйфэн думал, что это просто форма после стирки растянулась, не обращая внимания, но теперь, присмотревшись, он понял, что это действительно не его форма.

Белая часть школьной формы их школы очень легко пачкалась, и хотя Лу Синцзя был достаточно аккуратным, на его форме всё равно были большие и маленькие пятна чернил, которые он случайно поставил, когда спал на уроках, и за это его даже ставили в угол, Цю Жуйфэн это хорошо помнил.

А та школьная форма, что была сейчас на нем, была абсолютно чистой, почти сияющей белизной, и даже в эту знойную, невыносимую ночь она продолжала излучать холодное сияние.

Короче говоря, это была аура гения.

Цю Жуйфэн был поражён, невольно потянул за подол школьной формы: «Круто, братан, это правда школьная форма Цинь Мудуна?»

О Цинь Мудуне ходило много слухов, говорили, что у него сильная мизофобия, и он не одалживает свои вещи. Однажды одна девочка взяла его книгу без разрешения, и когда она вернула её, он просто выбросил эту книгу в мусорное ведро, даже не взглянув на неё.

Когда их поймали в полдень, Цю Жуйфэн думал, что Лу Синцзя просто хвастается, но теперь, похоже, между ними действительно что-то было?

«Эй, не тяни!» — Лу Синцзя, как драгоценность, отбил руку Цю Жуйфэна, боясь, что тот испортит одежду.

Цю Жуйфэн подмигнул и прошептал: «Знаешь, на кого ты сейчас похож?»

«На кого?» — Лу Синцзя поправил одежду, разглаживая помятую Цю Жуйфэном складку.

Цю Жуйфэн намеренно понизил голос и, приблизившись к его уху, прошептал: «На маленькую жену Цинь Мудуна!»

Лу Синцзя дважды закашлялся, тихо покраснев: «Что ты несёшь?»

Он, как вор, чувствовал себя виноватым и не смел смотреть в глаза Цю Жуйфэну, но не забыл сказать что-то хорошее о Цинь Мудуне: «На самом деле Цинь Мудун очень хороший человек, правда, совсем не злой!»

«Не то чтобы злой», — они незаметно дошли до велопарковки. Цю Жуйфэн прекратил шутить, отпер замок и сел на велосипед: «Просто он такой отчужденный, как бы это сказать, наверное, гений не желает общаться с такими простыми смертными, как мы».

«Нет», — возразил Лу Синцзя про себя.

Почему-то он вспомнил одинокую фигуру Цинь Мудуна, ехавшего на велосипеде в тот день.

На самом деле, он тоже очень одинок, ни к чему не привязан, ничего не ценит, поэтому в прошлой жизни без колебаний выбрал самоубийство.

Но Лу Синцзя не мог этого сказать, поэтому он лишь отделался невнятными «м-м» и добавил ещё один пункт в свой мысленный план.

Он хотел громко заявить всему миру, что Цинь Мудун — самый лучший.

—

Когда он вернулся домой, было уже около десяти. Хэ Си внимательно сверяла счета, готовясь к получению первой партии товара.

В кастрюле томилась теплая каша. Лу Синцзя залпом выпил одну миску и поспешил в спальню делать уроки.

Хотя Чжан Чучу внешне казался добродушным, он был совсем не мягок в плане домашних заданий. Помимо обычных упражнений, он лично придумал несколько задач, которые Лу Синцзя не смог решить за весь вечерний урок.

В одиннадцать вечера Хэ Си наконец закончила свои дела и пришла поторопить Лу Синцзя лечь спать.

В последнее время Лу Синцзя был словно одержим, его отношение к учёбе стало намного серьёзнее, чем раньше. Но Хэ Си также знала, что нельзя стать толстым, съев всё сразу, и, боясь, что он переутомится, каждый вечер приходила поторопить его пораньше лечь спать.

«Знаю, мам, ты иди спи, я скоро тоже лягу».

Лу Синцзя только что вытащил из холодильника эскимо, держа его во рту, он продолжал решать задачи, не отрывая глаз.

Вернувшись домой, он переоделся в футболку и шорты, его белые ступни болтались, а одна нога стояла на табуретке.

«Вечером ешь поменьше холодного, легко простудиться».

Хэ Си наставляла, как вдруг обнаружила на кровати аккуратно сложенную школьную форму и, взяв её, удивленно спросила: «Когда ты успел достать осенне-весеннюю школьную форму и надеть ее? Я помню, что убрала ее в шкаф?»

Лу Синцзя вдруг вспомнил об этом и поспешно поднял голову: «Мама, это не моя одежда, это одежда Мудун Гэгэ!»

Хэ Си взяла одежду и посмотрела: она действительно была на один размер больше, чем у Лу Синцзя.

Лу Синцзя был немного неряшлив, всегда любил бросать снятую одежду где попало, только вещи Цинь Мудуна заставляли его так беречь их.

Лу Синцзя немного смущенно почесал нос: «В классе было немного холодно из-за кондиционера, сегодня он одолжил мне свою школьную форму на некоторое время».

Хэ Си улыбнулась: «Вы помирились?»

Раньше Лу Синцзя вдруг перестал упоминать Цинь Мудуна, и она немного беспокоилась. Теперь, увидев, что они снова в одном классе и даже одалживают школьную форму, она наконец успокоилась.

Лу Синцзя возмущенно: «Мы и не ссорились! Мы всегда были очень хорошими друзьями!»

Он всё больше убеждался, каким глупцом был в прошлой жизни.

Если бы Цинь Мудун действительно ненавидел его, стал бы он принимать от него подарки и одалживать свою школьную форму?

«Ладно, ладно, вы у меня самые лучшие», — Хэ Си покачала головой, не споря с ним. «Я пойду постираю ему одежду. Ты ложись пораньше, если не успеешь дописать, то и не пиши».

Лу Синцзя поспешно сказал: «Мама, мама, ты ложись первая! Я сам постираю одежду!»

В конце концов, он прожил так много лет в прошлой жизни, стирать одежду он всё-таки умел.

Это же одежда Цинь Мудуна, она драгоценна!

Хэ Си рассмеялась: «Так сильно ценишь?»

Лу Синцзя слегка покраснел: «Я же просто боюсь, что ты устанешь!»

Хэ Си улыбнулась, покачала головой и, взяв одежду, вышла из комнаты.

Лу Синцзя всё хорошо спланировал: сначала решить две задачи, заданные Чжан Чучу, потом постирать свою драгоценную одежду, а потом можно ложиться спать.

Но планы всегда меняются. Он был слишком сонный, и у него совершенно не было никаких идей для задач. Незаметно для себя он заснул, склонившись над столом, а когда проснулся, был уже следующий день.

Он не помнил, как перебрался со стола на кровать, а одежда Цинь Мудуна уже была постирана и висела на балконе.

Лу Синцзя смущённо подошёл на кухню: «Мама, я вчера заснул сидя?»

«Ты все-таки это знаешь», — Хэ Си наливала кашу, беспомощно взглянув на него. «В следующий раз не засиживайся допоздна, понял?»

«Понял, понял!» — Лу Синцзя поспешно кивнул, активно признавая свою ошибку.

Хэ Си тоже жалела его, по-настоящему не сердилась, достала из кастрюли разогретые булочки: «Ладно, иди поешь».

Летом было душно, одежда высыхала за день. После завтрака Лу Синцзя сложил школьную форму с балкона и положил её в пакет.

После стирки школьная форма приобрела знакомый запах — лёгкий аромат обычного домашнего стирального порошка. Лицо Лу Синцзя почему-то немного покраснело, и он тайно подумал: интересно, считается ли это тем, что она теперь пропитана 'моим' запахом.

—

Придя в класс, Лу Синцзя вернул Цинь Мудуну чистую школьную форму, а также принёс ему две горячие булочки из дома, назвав это «взаимным расчётом».

Цинь Мудун ничего не мог ему сказать, поэтому просто проглотил булочки в два-три укуса. Лу Синцзя хихикнул и поспешно достал домашнее задание.

Прошлой ночью он просто заснул за столом, и две задачи, заданные Чжан Чучу, естественно, остались нерешенными.

Раздался звонок на утреннее чтение, и в классе послышался беспорядочный шум. Лу Синцзя хотел воспользоваться этим временем, чтобы тайком доделать домашнее задание, но задачи по естественным наукам требовали идеи и техники. Если не было идеи решения, даже два часа сидения без дела не помогут.

Тетрадь с задачами была пуста, Лу Синцзя готов был расплакаться. Если бы не гора сданных одноклассниками заданий на столе у старосты, сидящего по диагонали впереди него, он бы подумал, что с задачей что-то не так.

Лу Синцзя обиженно вздохнул, подумав, что ему следовало спросить Чжан Чучу ещё вчера вечером на самоподготовке. А теперь, во время утреннего чтения, и спросить не у кого.

Тут же внутри него вскочил маленький человечек и закричал: «Конечно, есть! Он же рядом с тобой!»

—

Примечания автора:

Если бы это был мир АВО, наш Цзяцзя был бы прилипчивым омегой, который хотел бы, чтобы его муж был весь пропитан запахом его феромонов (нет)

—

<http://bllate.org/book/14490/1282430>